

КЪ ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ИТОГАМЪ МИНУВШАГО ГОДА.

Обозрѣвателю, отыскивающему литературныя явленія, приходится, при выборѣ и расположеніи фактовъ, прежде всего считаться съ количествомъ и возбужденностью толковъ, сопровождавшихъ появленіе литературнаго произведенія. Чѣмъ больше шуму вызвало произведеніе, чѣмъ оживленнѣе были толки о немъ, тѣмъ характернѣе это произведеніе для данного времени и тѣмъ тѣснѣе оно связано съ современной жизнью, а стало быть, тѣмъ больше правъ оно имѣетъ на особенное вниманіе обозрѣвателя.

За истекшій годъ такимъ наиболѣе возбуждавшимъ общество илитріе журнальнымъ міръ произведеніемъ были „Мужики“ Чехова.

Кто даже поверхностно просматривалъ наши журналы за прошлый годъ, тотъ не могъ не замѣтить, какими горячими рецензіями встрѣченъ былъ рассказъ г. Чехова, и какая пылая полемика не замедлила завязаться по его поводу.

Этотъ небольшой рассказъ несомнѣнно отличается бранными художественными достоинствами, какъ и все, что выходитъ изъ подъ пера талантливаго автора, но не въ художественныхъ достоинствахъ коренилась главная причина того страстнаго обсужденія, какое вышло на долю рассказа. Конечно, незначительное и слабое произведеніе на ту же тему какого-нибудь безвѣстнаго писателя не могло бы произвести того-же дѣйствія, при какихъ бы то ни было условіяхъ, но тѣмъ не менѣе большому успѣху „Мужиковъ“ способствовали главнымъ образомъ исключительныя—благопріятныя условія момента ихъ появленія.

Рассказъ появился въ самый разгаръ полемической борьбы между народниками и русскими экономистами послѣдней формации, представителями экономическаго материализма. Обѣ стороны хваталась за все, что могло-бы быть лишнимъ аргументомъ въ спорѣ,

новымъ подтвержденіемъ ихъ взглядовъ. Само собой разумѣется, что новая школа экономистовъ не могла не подхватить выводовъ въ свою пользу, которые можно было сдѣлать изъ рассказа Чехова. Итѣтъ на этой сторонѣ писателя, отличающагося, по общему приговору, вѣрностью наблюденія и художественной объективностью, которую ему даже не разъ ставили въ вину, было для новой школы тѣмъ болѣе заманчиво, что самый рассказъ появился на страницахъ журнала, наиболѣе прямолинейно проводившаго народническія идеи.

И нужно сознаться, что, противъ правильности выводовъ, сдѣланныхъ изъ рассказа критиками новой школы, трудно возражать. Они были вполне правы, толкуя въ пользу своихъ экономическихъ и историческихъ теорій картинку крестьянской жизни, написанную мастерски, немногими штрихами, какъ умѣетъ писать Чеховъ.

Уже безотрадно-пессимистическій фонъ крестьянской жизни въ „Мужикахъ“, ея матеріальное, нравственное и умственное убожество, выдвигаемое сильнѣе и ярче, чѣмъ когда бы то ни было, резко противорѣчить оптимистическимъ надеждамъ народниковъ, но еще рѣшительнѣе говорятъ противъ нихъ то обстоятельство, что единственными свѣтлыми лучамъ въ этомъ безиро-свѣтломъ болотѣ является трактирный лакей, представитель той „трактирной цивилизаціи“, о растлѣвающемъ вліяніи которой такъ много говорили народники. Если прибавить, что рассказъ г. Чехова, при вѣрности красокъ, лишень характера анекдотичности и исключительности рисуемыхъ явленій, а напротивъ поражаетъ силой и яркостью обобщенія, то нельзя не согласиться, что новой экономической школой не было надобности въ какихъ-либо натяжкахъ, чтобы усмотрѣть въ рассказѣ подтвержденіе своихъ взглядовъ о необходимости и закономерности совершающагося у насъ экономическаго процесса.

Другой вопросъ—насколько цѣнно

и доказательно такое подтвержденіе. Широка захваточная горизонтъ, обобщающая мощь картины неизбежно должны были отозваться на глубинѣ и всесторонности изображенія: получалось нѣчто вроде картины съ высоты птичьяго полета.

Именно такое впечатлѣніе производитъ рассказъ „Мужики“: здѣсь нѣтъ и помину о душевной жизни народа, о неясной и обивчивой работѣ мысли и фантазіи, порождающей старыя секты, и реформирующей новыя, о тугомъ, но непрерывномъ, усвоеніи и развитіи правовыхъ отношеній и понятій, о многихъ и многихъ другихъ важныхъ нѣлѣніяхъ крестьянской жизни; тѣмъ не менѣе общій тонъ и внѣшній видъ схвачены вѣрно, а поэтому рассказъ производитъ сильное, ошеломляющее впечатлѣніе. Но, признавая это, не надо забывать, что внѣшній видъ зависитъ отъ точки зрѣнія, отъ группировки и расположенія частей, а Чеховъ—художникъ по преимуществу настроенія и настроенія, какъ извѣстно, пессимистическаго. Благодаря единству и выдержанности настроенія онъ достигаетъ замѣчательной силы впечатлѣнія, но за то образы его всегда какъ-бы окутаны сыростью, печальной дымкой, скрадывающей весьма вѣрныя очертанія его фигуръ и картинъ.

Какъ на одну изъ такихъ картинъ нужно смотрѣть на его „Мужиковъ“. Впечатлѣніе получается отъ картины сильное, но искать въ ней подтвержденія какихъ-либо теоретическихъ взглядовъ на судьбы народа было-бы весьма странно. На это менѣе всего имѣлъ претензіи самъ Чеховъ, намъ не имѣлъ, по всей вѣроятности, и желанія внести новый взглядъ въ обширную литературу о „мужикахъ“ и о пониманіи этого мужика. „Мужикъ“ и по сѣ пору въ значительной степени остается тѣмъ „тайнственнымъ незнакомцемъ“, о которомъ говорилъ Тургеневъ. Многие утверждаютъ, что за этой тайственностью ровно ничего не скрывается, кроме невѣжества, но едва-ли Чеховъ

Подольские губернские ведомости.

1898. Января. № 3.

С. 2.

принадлежать къ числу этихъ много-
гихъ, хотя послѣдній его рассказъ
и могъ-бы привести къ такому заклю-
чению.

Несомнѣнно, однако, что, какъ-бы
ни было стройно и цѣльно народное
миросозерцаніе, въ настоящее время
оно расшатывается все болѣе и болѣе,
и все большее число лицъ отрывается
отъ единаго народнаго ядра, чтобы
одиноко и безпомощно совершать свой
путь и искать правды и счастья въ
мірѣ на свой рискъ и страхъ. Про-
цессъ индивидуализаціи захватилъ
уже давно и деревню; и крестьянскій
міръ пополнился уже ряды такъ на-
зываемой интеллигенціи, того вѣчно
бродячаго мѣсца, изъ котораго долж-
на вырости у насъ и опредѣлиться
личность.

Какой Чихольдванъ въ рассказѣ Че-
хова—ате уже русскій „интеллигентъ“,
какъ бы им оторочивались отъ тако-
го сотоварища наши интеллигенты. Че-
ховъ даетъ весьма поверхностный вѣщи-
тый очеркъ этого лица, но въ проведе-
ніяхъ другого писателя этотъ типъ
выступаетъ въ болѣе определенныхъ
очертаніяхъ. Рѣчь идетъ о г. Горь-
комъ, писателѣ начинающемъ, по-и-
стинѣ въ различныхъ журналахъ
прошлаго года „вѣдомостей“ очерковъ и
рассказовъ.

Большинство читателей, знако-
мыхъ съ произведеніями этого автора,
скажутъ, что герой его рассказовъ при-
надлежитъ неоспоримо къ народу, но
такъ кажется только на первый взглядъ.
Если приемотрѣться внимательнѣе, то
становится очевиднымъ, что все эти
лица рѣзко выделяются изъ народа,—
того народа, который имъ привыкли
разумѣть подъ этимъ словомъ,—и
своими сомнѣніями, и вкусами, и взгля-
дами на жизнь. Это люди, ищущіе
свое мѣсто среди другихъ и свой путь,
а „народу“ въ такомъ исканіи нѣтъ
надобности; онъ, если и ищетъ, то
всѣмъ „проломъ“ и хлопочетъ тоже о
„міръ“, о спасеніи его. То-же лихъ-
рабочее и, по существу, эгоистическое

исканіе, какое обнаруживаютъ герои
произведеній г. Горькаго, было и есть
привилегія нашей интеллигенціи съ
того самаго времени, какъ она наро-
дилась. И родство свое съ интеллиген-
ціей отчасти сознавать сама героиня
г. Горькаго. Герой рассказа „Озар-
ненскіе“ напр., типографскій рабочий,
высказывается слѣдующимъ образомъ
въ откровенной бесѣдѣ съ редакторомъ
газеты: „Такъ вотъ, Митрій Павло-
вичъ, значить оно и выходитъ, что я
одного съ вами гнѣзда птица... Да! А
полеты у насъ разные... И какъ
вспомню я, что вѣдь вся разница
между мной и моими товарищами быв-
шими только въ томъ, что не сидѣлъ
я въ гимназіи за книгами,—горько
мнѣ и тошно бываешь... Развѣ въ
этомъ человѣкъ?“

— Да, человѣкъ—не въ этомъ, а
въ сокровенныхъ глубинахъ духа. „Въ
душѣ онъ, въ чувствахъ къ ближнему“,
какъ говоритъ тотъ-же рабочий. Въ миро-
созерцаніи—человѣкъ, скажутъ бы онъ
еслибы зналъ такое слово; но въ
данномъ случаѣ вѣрнѣе было-бы ска-
зать,—въ отсутствіи міросозерцанія; и
причины отсутствія его, какъ сказано
выше, одні и тѣ же у старыхъ и
новыхъ „интеллигентовъ“. Новые лю-
ди также вышли изъ одноцвѣтныхъ и
однообразныхъ рядовъ народныхъ, что-
бы прикинуть къ ранѣе вышедшимъ
изъ безмятежнаго міра предуготовлен-
ныхъ вѣрованій и шаблонныхъ марш-
рутовъ братьевъ и вибѣтъ съ ними
приняться за безконечные поиски и
блужданія.

Г. Горькій хорошо знаетъ этихъ
новобранцевъ развивающагося индиви-
дуализма. Они выходятъ изъ подъ его
пера весьма живыми и интересными,
но и онъ, подобно многимъ прежнимъ
цѣлителямъ мятущейся интеллигенціи,
не прочь пустить въ ходъ старые ре-
цепты. Личности, едва зародившейся
и еще не познавшей себя, тоскливо
прислушивающейся къ смутнымъ запро-
самъ, поднимающимся внутри ея, г.
Горькій предлагаетъ, въ качествѣ ле-

карства отъ тоски въ неудовлетворен-
ности, дѣятельность просвѣтительную
на пользу общества.

— Но, чтобы выйти изъ него и удо-
влетвореніе въ такой дѣятельности,
нужна вѣра въ спасительность и цѣ-
лебную силу науки и просвѣщенія, а
если такой увѣренности нѣтъ у боль-
шинства людей дѣйствительно ученыхъ
и просвѣщенныхъ, то тѣмъ болѣе не
можетъ быть ея у „младенчески не-
развитой и искренней, но нѣтъ съ
тѣмъ и дѣтскимъ—эмоціонной лич-
ности, которая всегда проявляетъ боль-
шую степень горячности, нетерпѣнія и
требовательности въ разрѣшеніи на-
сущнейшихъ вопросовъ жизни и духа.
А г. Горькій рекомендуетъ ей дѣятельность
врачебную, учительскую, безъ лишннихъ
справокъ—зачѣмъ и почему, дѣятель-
ность для дѣятельности, для забвенія
о самомъ себѣ.

Впрочемъ г. Горькій настолько обла-
даетъ истинностью художественной прав-
ды, что не заставляетъ героя своего
рассказа „Супруги Орловы“ исцѣляться
по принятіи предложенныхъ лѣкарствъ:
Орловъ предпочитаетъ другой „попы-
танный“ способъ забвенія самого себя—
въ пьянствѣ.

Но старые рецепты оказываются
бессильными не только по отношенію
къ новымъ людямъ. Такое-же круше-
ніе претерпѣваютъ они въ повѣсти
г-жи Лѣтисовой „Мертвая зыбь“. Гер-
оиня этой повѣсти, далеко не пустая
и не легкомысленная женщина, всѣмъ
существомъ своимъ протѣстуетъ про-
тивъ навязываемой ей просвѣтитель-
но-гигиенической дѣятельности, разры-
ваетъ съ „честно мыслящимъ“, но
жестокимъ-ошучнымъ кружкомъ своей
матери, и бросается сначала въ объятія
безпечнаго насчетъ всякихъ „вопросовъ“,
гвардейскаго офицера, а затѣмъ—въ
объятія льва изъ декадентовъ. И здѣсь,
значить, тоже стремленіе къ самозабве-
нію въ опьяненіи, хотя способъ опьяне-
нія нѣсколько иной здѣсь и тамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Б. П.